

НИКОЛАЙ РАБОТЯЖЕВ, ЭДУАРД СОЛОВЬЕВ

Российский консерватизм «эпохи перемен»

Интерес исследователей к феномену российского консерватизма в последнее время возрастает. И это связано не только с тем, что в России наблюдается «консервативный ренессанс», консервативные идеи доминируют в политическом дискурсе и первые лица государства заявляют о своей приверженности ценностям консерватизма. Дело также и в том, что российский консерватизм все еще остается сравнительно мало исследованным феноменом, что не в последнюю очередь связано с тем, что консервативная система ценностей выходит за рамки той рационалистической традиции, которая утвердилась в отечественной и западной политической науке.

Таким образом, на фоне наблюдающегося в России мощного сдвига общественных настроений в сторону консервативных установок (стабильности, порядка, социального патернализма, сильного государства) ясности с тем, что же представляет собой российский консерватизм, особенно не прибавилось... Так что вполне можно согласиться с мнением политолога

Л. В. Полякова, что «адекватный по своей всесторонности и методологической обоснованности анализ современного его (российского консерватизма. — *Н. Р., Э. С.*) состояния — очевидная лакуна в российской политической науке»¹.

Между тем история отечественного консерватизма началась не вчера, и сам этот феномен насчитывает уже как минимум двести лет. Однако консервативная рефлексия в нашей стране не развивалась по пути органической преемственности — после Октябрьской революции 1917 года на протяжении многих десятилетий консервативная мысль могла существовать только в русском зарубежье. Легальное возрождение консерватизма в России как в философском, так и политическом аспектах началось лишь на рубеже 1980—1990-х годов. Таким образом, формирование посткоммунистического консерватизма в России происходило после крайне

¹ **Л. В. Поляков.** К изучению российского консерватизма: история и метод. — «Полития». 2012. № 4. С. 43.

РАБОТЯЖЕВ Николай Владимирович — ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

СОЛОВЬЕВ Эдуард Геннадьевич — заведующий сектором ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00599 «Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение»).

Ключевые слова: консерватизм, политическая идеология, традиция, Россия, славянофильство, византизм, евразийство, консервативная утопия, социализм.

длительного разрыва с консервативной традицией.

Российская консервативная мысль далеко не во всех аспектах обнаруживает соответствие как англосаксонской, так и континентальной европейской консервативной традиции. В частности, на отечественной почве зачастую оказывается весьма проблематичным четко и последовательно разграничить консервативные и либеральные воззрения, а в последние десятилетия, как ни парадоксально, даже консервативные и левые (КПРФ). Объяснение этому явлению лежит не в специфической «широте русских натур», а в конкретных обстоятельствах российской истории, оказавших влияние на эволюцию ее общественно-политической мысли.

К числу подобного рода обстоятельств относится прежде всего действующий на протяжении по меньшей мере трех последних столетий фактор так называемого догоняющего развития. При всей относительной популярности идеи «догоняющего развития» в отечественной литературе существует не слишком много работ, рассматривающих в контексте этой проблемы эволюцию различных течений общественно-политической мысли в России. И как раз применительно к анализу консерватизма эта идея оказалась совершенно не востребованной. Между тем ряд особенностей русской консервативной мысли (в частности, знаменитая антитеза «Запад — Россия») труднообъяснимы без учета означенного фактора.

Понятие «догоняющее развитие», как правило, прочно ассоциируется с положениями теории модернизации. Однако это не вполне корректная ассоциация. В России, например, гонка за лидерами экономического и цивилизационного развития началась задолго до развертывания процесса модернизации. Ведь «модернизация» в

общественной науке понимается в основном как создание предпосылок для развития «современной» или, используя терминологию формационного подхода, «буржуазно-капиталистической» цивилизации Нового времени. Общество в ходе модернизации неизбежно сталкивается с проблемой прогрессирующей социальной анонимии, отличительной особенностью которой выступает стремительная девальвация общественных норм, выдвижение новых индивидуальных и групповых целей и требований. Идеологическим противовесом этим кризисным процессам в обществе и выступает консерватизм.

Между тем массированные культурные рецепции были характерны для нашей страны как минимум с начала XVIII века. Они в принципе обесмысливали понятие «традиционности» в российском контексте: для вестернизированной элиты «традиция» (дворянский кодекс чести, стиль мышления, правила поведения и т. д.) заимствовалась вместе с табаком, картошкой и армейскими артикулами. Такой «традиционализм» имел довольно опосредованное отношение к действительной русской национально-культурной традиции. Именно поэтому просвещенный XVIII век предопределил как постановку вопроса о «беспочвенности» русской культурной и политической элиты, так и последующие довольно умозрительные и произвольные попытки воссоздать в ретроспективе отечественную традицию².

Поворотным событием для эволюции отечественной общественно-политической мысли оказалась Французская революция, под влиянием которой в России формируется

² Подробнее об этом см. Э. Г. Соловьев. У истоков российского консерватизма. — «Полис». 1997. № 3. С. 138.

относительно самостоятельная консервативная идеология, постепенно подменившая европеизированный традиционализм XVIII века. Революция в корне изменила облик той цивилизации (или, во всяком случае, ее центра, каковым тогда была Франция), частью которой притязала быть Россия. Русское дворянство пережило настоящую духовную драму, цена вестернизации — революция — не могла не показаться ему чрезмерной. На рубеже столетий появляются первые признаки отказа значительной части правящей элиты от духовного родства с Европой. Если ранее своеобразным культурным эталоном было стремление к полному отождествлению российских институтов и самой русской истории с европейскими образцами, то отныне «в моду» входило утверждение субстанциальных отличий России от Европы.

Общественно-политическая мысль начала XIX века уже не могла отвлечься от того факта, что, «прорубив окно в Европу», русские впустили в свой дом вместе с духом Просвещения также и джинна революции. Поэтому на знаменах охранительно-консервативного направления с тех пор было начертано: мы — не Европа, у нас есть собственная история и традиции (Н. М. Карамзин и др.). Каждый шаг по пути реформ и европеизации страны отныне воспринимался российскими консерваторами чуть ли не как уступки новой «пугачевщине» и революции.

Но дворянский консерватизм Н. М. Карамзина или мистика князя А. Н. Голицына очень быстро стали анахронизмом. По существу, идейные контуры «охранительного» направления консервативной мысли были заложены в 1833—1849 годах министром народного просвещения графом С. С. Уваровым, сформулировавшим знаменитую триаду «православие, самодержавие, народность». А видными представителями государственно-ох-

ранительного консерватизма стали историк М. П. Погодин, литератор С. П. Шевырев и др. Основой русского «охранительства» стали, как известно, три основные идеи: самодержавной монархии как надклассовой силы, защищающей интересы каждого из сословий и общества в целом, православия и народности. Каждая из них особым образом выражала неприятие политической элитой тенденций, возобладавших на раздираемом классовыми противоречиями и «пораженном изнутри» рационализмом Западе. Но стержнем подобного мировоззрения явилось утверждение об особом пути России и уникальности ее культурно-исторического опыта.

Особое внимание при этом уделялось реконструкции неповторимых истоков или «начал» истории русского государства, отличающих ее от истории Запада. Западная Европа — завоевана немецкими племенами. Россия — занята исконно населявшими ее славянами. Корни европейского христианства — в Риме, российского — в Византии и т. д. Раз Россия не знала завоевания (в том смысле, в котором его испытал латинско-римский мир в середине I тысячелетия н. э.), то в ней не существовало ни своевольной феодальной аристократии, ни третьего сословия, а следовательно, отсутствовал фактор сословной, или классовой, борьбы. Православная церковь, в отличие от католичества, не вступала в конфликт с государством, а добровольно подчинила свои интересы светской власти. История России, таким образом, была определена как поистине «бесконфликтная»: в ней не было «ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы»³, в силу чего она представляет собой

³ М. П. Погодин. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 62.

совершенно иной тип цивилизации. А раз установлен ценностный смысл исторических начал в государстве, то тем самым доказывается необходимость его сохранения, более того — становится очевидной потребность в бережной консервации сложившихся социальных отношений и политических институтов, венцом которых является, разумеется, самодержавие.

В те же самые годы в России сформировалось и другое направление консервативной мысли — славянофильство. Хотя между славянофильством и охранительным консерватизмом и существовали определенные точки соприкосновения (те и другие верили в самобытный, незападный исторический путь России и выступали против заимствования западных институтов), представители этих направлений по-разному трактовали ключевые ценности российской цивилизации и расходились по вопросу о том, что из них прежде всего нуждается в консервации. В то время как для консерваторов-государственников важнейшей ценностью выступало самодержавное государство, славянофилы стремились в первую очередь сохранить неповторимое духовное и социокультурное своеобразие русского народа. В отличие от охранителей, они делали акцент прежде всего на первом и третьем элементах «уваровской триады», то есть на православии и народности (под которой мыслители этого направления понимали «личность народа», «народный облик»⁴, говоря более современным языком — русскую идентичность).

Ключевыми постулатами славянофильской доктрины были самобыт-

ность России и ее фундаментальное отличие от стран Запада (парадоксально, но при этом именно на мировоззрение славянофилов оказали сильное влияние немецкая классическая философия и немецкий романтизм — Г. Гегель, Ф. Шеллинг, И. Гердер, вплоть до рецепции самого понятия «духовность» (*нем.* Geistigkeit)). Славянофильский мировоззренческий комплекс отличало довольно сложное переплетение элементов консервативного романтизма и умеренного либерализма, ориентаций на поддержание ряда архаичных социальных институтов и своеобразной идеологии «консервативного прогрессизма».

Консервативный характер славянофильского мировоззрения определил свойственный ему антизападнический комплекс. Для А. Хомякова и И. Киреевского Запад отождествлялся с современной (в узком смысле этого слова) цивилизацией со всеми присущими ей пороками — от рационализма и индивидуализма до индустриализма. Россия в данном философском контексте становилась воплощением космоса, «органического», «единого» и т. п. мира, которому, как верили славянофилы, принадлежит будущее. И хотя никому из славянофилов не пришло бы в голову сравнивать Европу с еще живым, но уже тронутым тлением организмом (как это сделал консерватор-охранитель С. Шевырев, введший в оборот метафору о «гниении Европы»), тема гибельности европейского пути была обозначена ими достаточно определенно.

У славянофилов речь шла скорее не о превосходстве, а о преимуществах, присущих России из-за ее отсталости (неразвитости капиталистических отношений), которые дают ей возможность двигаться по особому пути исторического развития. Антизападничество славянофилов не сводилось к стремлению дистанцироваться от

⁴ См. К. С. Аксаков. Простой народ — разумная стихия России: передовые статьи из газеты «Молва» (1857). — «Просвещенный консерватизм: российские мыслители о путях развития Российской цивилизации. Политическая антология». М., 2012. С. 523—524.

Запада (игнорировать Европу в эпоху расширения, в терминологии И. Валлерстайна, «мир-системы» и развития машинной индустрии было просто невозможно), но предполагало готовность к сопротивлению «внутреннему Западу», то есть разрушительным, с точки зрения консервативного сознания, проявлениям современной цивилизации. Полезным и допустимым, с их точки зрения, можно было считать «только техническое — техническое в самом широком смысле этого слова — заимствование образцов и идей из-за границы; такое заимствование, которое может быть усвоено национальным организмом, не причинив особого вреда»⁵.

Важнейшей характерной чертой российского социального и нравственно-духовного уклада, отличающей его от раздробленного и индивидуалистического европейского общества, славянофилы считали соборность, то есть гармоническое согласование личных и общественных интересов. С их точки зрения, католицизм означает принудительное, авторитарное единство верующих, основанное на внешнем авторитете, протестантизм — свободу изолированных индивидов, не связанных высшим единством, в то время как в православии осуществляется «соборный» синтез свободы и единения. Воплощение принципа соборности славянофилы видели и в русской сельской общине, ставшей «как бы светскою, исторической стороною церкви»⁶.

Исключительное, если не сказать ключевое, место в теоретических построениях славянофильства занимала категория органичности. Славянофилы полагали, что жизнен-

ный уклад московской Руси стоял на органических, соборных основах, в то время как реформы Петра I означали разрыв с ними. При этом они идеализировали и даже мифологизировали российское прошлое (что, впрочем, остается характерной чертой отечественного консерватизма до наших дней). Смысл консервативной утопии, однако, вовсе не сводился для славянофилов к возвращению в допетровскую Русь, как это пытались представить многочисленные их критики. Теоретики славянофильства не были склонны игнорировать проблемы модернизации общества, и в этом смысле весь комплекс их идей выходит далеко за рамки дефиниции «ретроспективная утопия», предложенной П. Чаадаевым.

Консервативный утопизм славянофилов отличало осознание потребности трансформации социально-политических отношений в стране, но в равной степени и стремление осуществить эту трансформацию в наименее болезненных и травмирующих сложившуюся социальную структуру и элементы национальной культурной традиции формах. По словам А. Хомякова, консерваторство «есть постоянное усовершенствование, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрыв губелен»⁷.

Эти представления об органичности и эволюционном характере исторического процесса в сочетании с очевидным неприятием западного опыта капиталистической модернизации и отрицанием полезности революционных трансформаций привели к активному поиску специфически российского пути общественной эволюции. Требование сохранения национальной специфики

⁵ М. М. Карпович. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 112.

⁶ Ю. Ф. Самарин. Сочинения. Т. 1. М., 1877. С. 64.

⁷ А. С. Хомяков. К. А. Н. Попову. — Он же. Полное собрание сочинений. Изд. 3. М., 1900. Т. 8. С. 211.

в ходе модернизации позволяет характеризовать славянофильскую консервативную утопию не просто как разновидность автохтонной «почвеннической» идеологии, но как одну из первых в истории мировой социально-политической мысли попыток теоретического обоснования «третьего пути» общественного развития, то есть модернизации общества без индустриализации западного типа.

Таким образом, отечественный консерватизм уже на первых этапах своего развития обладал рядом характерных особенностей. Во-первых, когда закладывались основы консервативного идейного комплекса, в нем отсутствовало единое понимание «традиции», а представления о «традиционных», «исконных» элементах культуры носили весьма умозрительный характер. Строго говоря, старомосковская политическая и культурная традиция к началу XIX века во многом была безвозвратно утрачена. Неопределенность понятия «русская традиция» и, соответственно, эфемерность традиционализма как мировоззрения позволяли трактовать «традицию» очень произвольно, относя ее генезис в допетровские времена (славянофилы), указывая на ее истоки в своеобразно трактуемом «византизме» (Погодин и ряд теоретиков «охранительного» направления), или же находя ее в некоем самобытно российском характере политического и государственного устройства (охранительное направление).

Другим специфическим признаком российского консерватизма, во многом обусловленным «догоняющим» типом развития страны, стали попытки совмещения нередко взаимоисключающих положений в рамках единого мировоззренческого комплекса. Стремление завершить трансформацию наиболее архаичных общественных институтов соседствовало с негативным восприятием западного

опыта капиталистической модернизации и желанием сохранить характерные черты национальной культуры.

Третьей особенностью отечественного консерватизма, также являющейся прямым следствием «догоняющего» типа развития страны, стала постановка проблемы взаимоотношений России и Запада (геополитических, культурных и т. д.). При этом Европа выступала объектом неприятия в рамках бинарных оппозиций, прочно закрепившихся в структуре консервативного мышления (рационализм — органическое развитие, революция — эволюция, хаос — космос, атомизация — соборность и т. д.), и антитезой спроецированной на будущее «консервативной утопии». Реакцией на этот своеобразный «западный комплекс» стали и традиционалистское, во многом антимодернизационное «самобытничество» теоретиков официальной народности, и поиски славянофилами особого пути исторического развития.

Таким образом, вопреки устоявшимся представлениям, отечественный консерватор, пожалуй, в не меньшей степени, чем либерал, являлся по преимуществу кабинетным мыслителем, возвращенным на идеях западной философии, но предлагавшим весьма избирательное восприятие западного исторического опыта. Этого оказалось достаточно для укоренения мифа о его глубокой «традиционности» и косности. Русский консерватизм XIX века, как и консерватизм европейский, стремился к смягчению болезненных сторон модернизационного процесса. Однако, опираясь не столько на реально сохранившуюся традицию, воплощенную в соответствующих институтах и обычаях, сколько на довольно абстрактное и спекулятивное представление о ней, отечественные консерваторы объективно оказались в ситуации выбора между косным охранительством или